

Сказание о Константине

Заметки внимательного читателя о книге К.Н.Михеева «Стихи Мнемозине»

mironovacolor.org > [Статьи](#) > [Сказание о Константине. Часть 1](#)

Ода Поэту

Его поэзия — **магический кристалл,**

Сквозь который можно видеть всё,

Что было на земле и в небесах —

Давным-давно, вчера, сейчас,

В веках, народах, землях, городах...

Сравнение не новое — ну что ж!

Ведь прав Экклезиаст: нет нового под солнцем.

Когда рожден Поэт?

Впервые, может быть, на берегах Евфрата,

Или в тени Великих Пирамид,

А может быть, у вод прозрачных Иордана...

Затем Он возрожден на берегах Арно,

В стране двух близнецов, воспитанных волчицей,

Там получил Он имя Константина —

В честь мудрого царя, чей подвиг

Вовеки будут помнить все народы.

Есть подозрение, что в Новые столетья

Родился Он в Лютеции прекрасной:

Язык Рембо, Верлена и Бодлера

Ему родней и ближе, чем другие

(за исключением русского, конечно).

Но вот Всевышнему угодно было

Почтить славянские края чудесным даром

И возродить Поэта Константина

В краю лесов, болот и песен грустных.

Теперь Он наш! А если бы не Он —

Наш мир похож бы стал на кучку праха.

(Я опасюсь, как бы мой пирог

не показался Вам пересоленным...

Попробую немного заземлиться...)

Теперь Константин живёт среди нас, недостойных.

Но в душе его постоянно звучит торжественная латинская речь,

ему внятны напевы царя Давида под звуки арфы,

он пишет стихи о библейских пророках и героях Эллады — так,

как будто видел их в жизни, читал в их мыслях

и переживал вместе с ними всё величие и горечь их бытия.

Его муза — божественная Мнемозина —

одарила Поэта памятью тысячелетий, зрением орла, языком пророка

и сердцем — как уголь, пылающий огнём.

Я думаю, что поэтическое творчество Константина Михеева сродни поэзии западно-европейских и русских романтиков XIX и начала XX века (Бодлер, Верлен, Рембо, Малларме, Блок, Брюсов, Бальмонт, Пастернак, И. Бродский). Слово поэта проникает в глубины существа человека, на слово его отзывается всё лучшее и чистое, что есть в нас,

мыслящих тростниках (или двуногих животных без перьев, если вам угодно).

Волшебный жезл Его поэзии преобразует всё,

что удостаивается Его взгляда.

Грязное очищается, низкое приподымается,

кривое распрямляется, страшное превращается в прекрасное,

подобно тому, как Топтавший народы в ярости своей

окрашивается не кровью, а виноградным соком.

И напротив — беспощадный голос Поэта разоблачает всё позорное,

скрытое под героической маской (Одиссей, Телемах...)

Такой поэт мог бы мир огроми́ть мощью голоса —

но не то нынче время, когда верили в силу слова

и желали чего-то кроме комфорта и развлечений.

Константин Михеев строит свои произведения по законам классического стихосложения, подобно зодчему, создающему храм.

Знание жизни и мировой культуры — основа этого храма,

Образы и символы — живые колонны,

Афоризмы — венчание его.

Поэт не проходит мимо негативных явлений жизни —

он с болью и гневом обличает Зло, где бы оно ни притаилось.

Его лира полнозвучна, палитра многокрасочна.

Для него как будто не существует трудностей:

Мысль выражена с предельной ясностью,

чувство живо и подлинно,

рифмы сами слетаются к нему, как птицы на корм.

Теоретически уважая категорию пустоты,

Константин в своей практике являет пример сверх-обычной полноты —

чувства, темперамента, эмоций, поэтических красот,

сюжетов, оригинальных трактовок известных ситуаций...

И, конечно же, свойственны ему многогранность видения

и глубина мысли.

I. ПОСВЯЩЕНИЕ

*Первой между богинями он Мнемозину восславил
Матерь божественных муз. (Гомер. Гимн Гермесу)*

Открывающие книгу «Стихи Мнемозине» вводят нас в круг интересов Поэта, его проблем, его тревог и боли, сомнений и убеждений. Константин воздаёт должное своей музе — Мнемозине, богине памяти и матери младших муз, сотрудничающих с Поэтом. Молитва его не напрасна: богиня щедро снабжает воображение Поэта эпизодами из истории человечества.

Прочитав книгу стихов, вы как будто побываете в древней Палестине, Греции, Риме, в Византии, царской России — и даже в Элизиуме. Что же касается Ада — то острое зрение поэта провидит черты Преисподней в реальном времени, в настоящей жизни.

Прочтём «Стихи Мнемозине».

Образ богини подсказан фотографией работы Р. Магритта, помещенной на обложке книги. Богиня прекрасна, но вряд ли жива. Её природа двойственна, как и у всех античных богов. Память — необходимая для жизни способность человека, но также источник страданий. В стихотворении Константина Михеева эта двойственность выявлена уже в самом имени богини: он пишет это имя не через «с», как, например, А.А. Тахо-Годи, а через «з».

Мнемосина и Мнемозина — персонажи разные. В первой — свистящее «с» — что-то сыпучее, серое, сирое, сырое, синее, китайское (чуждое античности). Си — это верхняя нота октавы, птичья.

Во втором имени — звенящее «з» — яростное и грозное. Такой звук издаёт стальной нож на точильном камне; он зимний и морозный, зудящий, как звук летящего комара или смертоносной мины. Кто служит Мнемозине — не надейся на лёгкую жизнь и беззаботное счастье:

*Близь блазила, даль одолевала
и чело венчала седина.*

Богиня ведет поэта гиблым путем,

Она занавешивает окна мглою: ведь прошлое лучше настоящего!

Ночной мрак — лучшее время для воспоминаний о прошедшем.

Кто подружился с Мнемозиной — потерял покой. Исступление, запретные порывы, тревожные ночи — вот образ жизни Поэта:

*и в ночах бесслёзных и тревожных
всем предначертаньям вопреки
полыхнут пожаром солнц безбожных
человечьи алчные зрачки*

Алтари Константина расположены на двух священных горах — на Олимпе и на Фаворе. Почитая муз, он не забывает и Всевышнего. Вслед за Экклезиастом он повторяет: «Будет то, что было всякий раз».

В свои семнадцать лет Константин уже постиг мудрость древнего пророка.

Вы скажете: Не сотвори себе кумира! Грешно молиться двум богам!

Позвольте напомнить вам, читатель, что сам Творец делил свою власть с Денницей (Лукавым), то есть фактически признавал его вторым владыкой мира (Книга Бытия, Книга Иова). Все христианские конфессии поклоняются, помимо Всевышнего, также сонму святых, им же несть числа. Сам Иисус признавал существование Лукавого и бесов, а иногда выполнял их просьбы.

Можно ли упрекать человека в почитании кумиров, помимо Бога?

Итак, Поэт молится по крайней мере двум богам — точнее, Богу и кумиру. Мирочувствие его, судя по заглавному стихотворению, тревожно, сумеречно, нервно-напряжённо. Каждая строфа содержит негативные образы, враждебные человеческой природе: яростное, грозное, морозное, острое, стальное, гиблый путь, мгла, обрушение, запретный порыв, безбожное, алчное...

И каков же итог всех этих хождений по мукам? Что находит Поэт в сердцевине Розы Мира? — Пустоту. Поэту свойственна душевная полнота, но он признаёт также ценность Пустоты. По-своему опозитизирует Константин философские доктрины Запада и Востока. Он тотален в лучших традициях современного буддизма. И если посвящение Мнемозине звучит тревожно, то следующее за ним стихотворение лучится радостью.

*Гурьбою бегут озорные лучи по распахнутым книгам,
на свежераскрытой странице сливается небо со словом,
и чайная роза плывет пред глазами плавающим бригам,
цветастым цыганским подолом, изорванным шелком пунцовым.*

Здесь поэт обнаруживает своё дарование живописца.

Он рад до беспамятства, палитра его полнокровна,

он пишет сразу весь мир — травы, волны, кроны...

Под кистью рождаются образы — китайская роза, черёмуха,

корабль Колумба, готовый отправиться в рискованный путь,

земля, готовая вот-вот завертеться неистовым шаром.

Восторг бьёт через край, в мире царит буйное хмельное веселье —

но не от вина, а оттого, что «сливается Небо со Словом».

Это творческий экстаз, окрашенный религиозным чувством.

Третье стихотворение начальной триады — это взгляд Константина на мир в целом — как бы из космических высот. Что открывается ему в небесных сферах?

Здесь сияет звезда Водолей. Но не воду и не свет проливает она на Землю: свинцовый расплав — её дар Земле.

Поэт смел, его не страшит ужасное зрелище — он замечает отражение звезды в полынье и насмешливо сравнивает её с рыбацкой блесной. Не место звёздам на Земле!

Впрочем, свинцовый расплав уже не может умножить бедствия Земли. Она уже безлюдна и бесплодна, как стальной лист.

В этом металлическом поле нет света, нет тишины и покоя. Здесь с грохотом проносятся ветры и поезда, а жизнь бредёт в потемках, как и Тот, кто дал её людям — уроженец Самарии, агнец Божий.

А Поэт? Что чувствует он? — Язык его скрипуч, губы черствы, как хлеб в дерюжной котомке, сердце беспризорно, — но вера бессмертна. Он знает, что Бог видит зло мира и воздаст за всё, когда исполнится срок.

Ведь Бог не ослеп!

II. БОГИ И КУМИРЫ

*Выслушай сущность всего: бойся Бога
и заповеди Его соблюдай, потому что
в этом всё для человека (Эккл.12:13)*

Из всех персонажей поэзии Константина Михеева одно из первых мест занимает Бог, единый в трёх лицах. Его имя упоминается прямо или намёком в очень многих стихотворениях. Понятие это неразделимо связано с жизненно важными ценностями. Вспомним хотя бы некоторые из двенадцати имён Иисуса Христа: Слово, Истина, Свет миру, Путь, Жизнь, Спасение...

*Бог составляет единую триаду с Любовью и Словом:
Любимая — ты назовёшься Словом,
А Слово изначально — это Бог.*

Поэт провозглашает:

*Род человеческий с Богом говорит
И в поколениях отвечает эхо.*

Константин усматривает присутствие Бога даже там, где мы и не подумали бы Его искать: например, в кафе, где двое влюблённых коротают вечер под звуки копеечного блюза из музыкального автомата. Невесёлое это свидание: они молчат, взгляды их осиротели, настроение осеннее. Холодный ветер, бледные остывшие щёки, ощущение бесплодия жизни...

Но Бог, в милосердии своём, садится за соседний столик, желая поддержать своим присутствием любовь двоих, хотя и неудачную, судя по всему. И совершается чудо:

*И в бешенство копеечного блюза
врываются архангельские трубы...*

В душе Поэта всегда живет любовь, — потому жизнь его полна, он счастлив, хотя не всегда осознаёт это.

*Поверь, не знаю я, о чем просить мне Бога,
и для кого просить, клянусь тебе, не знаю, —*

говорит он, обращаясь к Снежинке, божьей посланнице.

Константин чувствует внимание Бога к своей персоне и своим делам, если даже он молчит. Между ним и Богом — духовная связь.

*Ты слышишь, боги внимлют,
Но не речам твоим, а немоте.*

Много размышляет Константин о взаимоотношениях Бога с миром.

*Мир жаждет Бога. А философ — яда
и повисает в воздухе вопрос.*

Поэт не может и не желает разрешать вечные вопросы бытия. Он просто любит Спасителя, носит Его в сердце своём и находит для Него такие свежие и трогательные эпитеты:

*Очами пьём ночных небес алмазы
и властно входит пурпуром в наш бред
длинноволосый мальчик ночеглазый,
покинувший недавно Назарет.*

Учение И.Х., Его нетленное Слово утешает нас в жизненных невзгодах.

*В паренье слов и мыслей снежкрылых
все наши беды выглядят смешно...*

Истинная правда.

III. АВТОПОРТРЕТ

*Из нашей плоти прорастают розы
и ход столетий в нас запечатлен
К. Михеев*

По существу, всё поэтическое творчество Константина Михеева — один большой автопортрет, одна исповедь жизни Поэта, его раздумий, тревог и радостей, его взаимоотношений с внешним миром. Пусть местоимения «я» или «моё» не часто встречаются в его стихах — все картины истории, сцены современного бытия, пейзажи города или деревни — всё это мы видим отраженным в зеркале сознания Поэта, прошедшим через его восприятие.

*Драма варяга и дрёма татарина —
вы нераздельны в крови.*

Взгляд Поэта на самого себя можно назвать беспощадно-критическим.

Он ощущает себя потомком первочеловека Адама, вылепленного Творцом из красной глины Эдема. Нет — это не тот красавец-мужчина с фрески Микеланджело «Сотворение Адама». Это «сморщенный комок багряной глины меж перстов натруженных Творца», который лежал в пыли, нелепый, угловатый, потный.

Первым действием его было братоубийство, которое он совершил со смехом. Кто он? Злодей? Убийца? Изверг? — Нет, судьба его была уже предreshена: «Раб. Владыка. Воин. Демиург».

Что унаследовал Поэт от своего далёкого предка?

Конечно, он не раб. Он свободный творец, Демиург, творящий миры.

Он Владыка Языка, послушного любому желанию Поэта, исполняющего любой его каприз, ловящего каждое слово и мысль его.

Еще он Воин в глубине своей души. Ратные сцены запечатлены в его стихах так, как будто он сам в них сражался (в первых рядах). И в самом деле — разве не разят его огненные строчки пороки человечества — суетность, мещанство, неопрятность, продажность, кощунство, невежество?

Строгость Поэта к порокам (и слабостям) человечества распространяются и на его собственную персону.

Начать хотя бы с того, как критически он относится к своей наружности:

*«Он уткнулся в свой ворот кургузый...»
«в дырявые карманы прячет пальцы...»
«скрипит дырявым сапогом...»
«и самая душа его дырява...»*

Не верь поэту юноша! Дырявость — это знак единства с народом. Поэт не прокламирует это чувство из деликатности, но оно просвечивает во всех его высказываниях, где Я переходит в МЫ. Константин не отделяет себя от современников, сверстников, единомышленников и сподвижников.

*«Мы не боги»
«мы сами — всего лишь краски на полотне»
«все мы — бескрылая голь»*

Иной раз одолевает Поэта горькое сомнение, почти уверенность:

«Мы этому столетью не нужны»

Кто же эти МЫ?

Только раз обмолвился Поэт о социальном статусе своих единомышленников. Они — простые люди, «безымянные», не потерявшие классового чутья, не

принадлежащие к правящей элите.

«Мы помним безымянных, поскольку именитые — враги».

Но взгляд Поэта ясен и трезв — он не льстит ни себе, ни единоверцам.

Кому же, как не ему, провидеть глубины людских душ. С горечью признаётся он:

*«Наши души — головы Горгоны:
Глянем внутрь себя — и каменеем»*

Временами Поэт испускает горький вздох: «Это мы».

Он наблюдает своё ближнее окружение, сидя в маленьком кафе и краем уха прислушиваясь к разговорам посетителей.

*Бред биографий, разговоров чушь,
кровь, на которой скудный хлеб замешан,
лоскутья многоцветные их душ,
залысины мужчин, морщины женщин —
всё воедино собрано, и вот
проходит сквозь меня, во мне живет.*

Константин беспощаден в своих характеристиках современников:

*Камням не хватает свободы,
нам не хватает души.*

Мы — говорит Поэт — не способны на создание новой жизни, более совершенной, чем нынешняя:

*/Мы/ не способны камнем
Лечь во главу угла.*

Социальный пессимизм Константина Михеева доходит иной раз до припадков отчаяния:

*Пропади всё пропадом, гаром гори
у обочин дырявым скрипи сапогом
расточай задёшево всё, что внутри
привечай сквозь зубы то, что кругом.*

Заглядывая в будущее, Поэт не видит в нем ничего утешительного для себя.

*И сгребёт, ухмыляясь, дворник
Вместо листьев стихи мои в кучу.*

В конце концов, у него вырывается крик отчаяния:

*Человек! Вершина иль подножье?
Человек! Творенье или тварь?*

Поэт приписывает все свои мнимые или действительные неудачи произволу Судьбы:

*Путь твой страшен —
не тобой твой жребий брошен*

Иногда в его словах звучит отчаяние:

*Лгут наугад и фарисей, и киник
нет веры людям. Веры нет словам.*

И всё же побеждает вера в творческие силы человека:

*Этот мир — не наважденье
а боренье и гаданье.*

Труд Поэта — его подвиг. Чтобы создать нечто ценное для блага человечества, он должен принести в жертву самого себя, всю свою жизнь.

Ты хочешь строить храм? — Разрушь свой дом.

Ты хочешь взять резец? — Так будь же камнем.

Ты об огне мечтаешь? — Стань же льдом!

Поэт готов поделиться с людьми своим богатством — пронзающим душу словом.

*Бездомный мир, стоящий у двери,
всё, чем и вправду я богат, — бери !*

И как бы ни была трудна судьба Поэта, как бы много жертв ни требовал его труд — он не желает вкушать сладкий успокоительный сок лотоса, дающий забвение.

*Довольно! Эта участь для другого,
а мне оставьте горечь, гнев и гарь...*

Восточная философия самадхи и нирваны принципиально отвергнута Поэтом. Он борец, а не созерцатель. Завершая третье десятилетие своей жизни, Константин укрепляется в доверии собственному таланту и творческим силам. Следуя примеру Горация, вошедшему в обычай у многих поэтов, Константин воздвигает себе стихотворный монумент, посвящая его Меценату (А. Стриженку).

*Может быть, я — пустомеля и ветреник —
но я не сам выбирал себе жертвенник —
...
может, виновен пред миром и городом,
но на полёте моём и на вспоротом
брюхе гадать ещё будут авгурь.*

Оказывается, Поэт вполне сознаёт все достоинства своих произведений и предвидит их долгую жизнь во времени. Он уверен, что —

*Трепетание лиры бесплотное
читит даже здешняя гнида болотная,
и уж тем паче еврей или эллин.*

В творческие минуты одолевает Поэта критицизм, дух отрицания и сомнения.

Таков его дар. Но неистребимо живёт в нем философская мысль и живая благодарная душа.

Он чувствует, что в мире есть любовь,

Есть женские глаза и длинные ресницы,

есть бледный ангел в ризе золотой.

созвездия, цветы, снежинки,

и радостный тремор дождя,

и шепот волн, и солнца свет,

есть Мнемозина, Аполлон и музы,

Корнель, Расин, Бодлер, Верлен, Рембо...

Пусть в этом мире не так уж много радостей — в грядущем их будет больше.

*Серебристую розу на длинном мерцающем стебле
в Елисейских полях я сорву и тебе подарю...*

Заключительные штрихи к автопортрету Константин создал в завершающем книгу стихотворении *Lege Artis*. В каждой из двенадцати 8-строчных строф Поэт подводит итоги своим раздумьям и свершениям.

1. В жизни неизбежна повторяемость чувств, событий, ландшафтов, строк. Это вызывает некоторую досаду в душе Поэта. Он называет быт «омутом», а повседневные занятия — «суетой». И всё же понимает, что каждый день и час, каждое наше дело неповторимо.

«Нельзя дважды войти в один и тот же поток» (Гераклит Эфесский).

2. Туманный намёк на пустоту сердец и карманов, недовольство судьбой и погодой, ветреность чувств, безнадежность.

Дождаться не стóит от скудного неба дождей и знамений.

3. На фоне дисгармоничного пейзажа (желтое с пурпурным) — появляются смирение и покорность судьбе, грусть и нездешняя извечная печаль. Однако Поэт находит утешение в общении с музами, которых он,

*рыдая, хватал за подол,
и повесничал, и куролесил.*

4. Размышления о смысле жизни: возможно, она привязывает нас к себе простыми радостями: футбол, женщины, пиво...

*Не одним тяготением тянет к себе нас планета Земля,
а футбольным азартом, уютной округлостью женского тела.*

5. Поэт испытывает угрызения совести.

Остывший чай, заурадно лиловый закат, облака цвета стыда и досады — на этом фоне сомнительная любовь, нечистая совесть от лжи, недовольство нравом русской Музы.

*Не единожды парой гипербол почти неподъёмных соврав,
осознаешь, что чувство в контексте искусства не довод, а повод.*

6. Но душа Поэта жива и отзывчива на простые человеческие чувства. Его Пегас остепенился, успокоился, —

*Но порою хватает мгновенья, чтоб вдруг телефонный звонок
в бестолковых потёмках души отозвался сонатой Шопена.*

Окружающий пейзаж мгновенно меняется.
И жизнь, и творчество — продолжают.

7. Константин совсем молод, но как истинный поэт, он думает о смерти. Он чувствует в себе душу Орфея и повторяет его подвиг — входит в Аид.

*Эвридика...мерцание мрамора...мертвый ноябрьский снежок.
Эхо гонит по кругу толпу мертвецов, как позёмку...*

Тема смерти и загробной жизни (а также посмертной судьбы) часто привлекает внимание Константина.

8. Пора подводить итоги:

*Неразумно добро,
вечность к смертным отнюдь не добра;
разум явно злопамятен и, как твердит медицина, невечен.*

Но Константин не жалеет ни о чем. Он выполняет свой жизненный долг.

9. Философия жизни излагается в афоризмах, например:

*Грех и страх причащают бессмертию весь человеческий род,
Остальное — влияние среды, воспитания, дело привычки.*

10. Поэт принимает в жизни всё — даже то, что написано в буром подъезде хулиганским размашистым мелом. Ведь ему дан наказ свыше — не отворачиваться с презрением от мерзостей бытия. И он выполняет этот наказ с присущей ему научной добросовестностью.

11. Размышление о некоторых постулатах философии древних греков.
Неразрешимые проблемы движения, цели жизни, истины.

Спроси у Творца — промолчит Он.

12. Ноябрьская слякоть, скудный дождь, мокрая глина под ногами, грустные мысли.

*Увы, мы не рано, так поздно уйдём
в эту самую глину, из коей Господь ненароком слетил нас.*

Неизбывная тоска. И только творчество — спасение от всех зол.

Стихотворение, а вместе с ним и вся книга

Заканчивается именем Аполлона.

Вспомним, что начиналась она именем Мнемозины.

Изящная симметрия!

Продолжение

Л. Миронова,
05.12.2013

[Задать вопрос Мироновой Л.Н.](#)